

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Н.В. КОЛОТОВА

Нравственные предпосылки социальных прав

Социальные нормы, содержание которых предписывает оказание помощи нуждающимся, относятся к различным системам нормативно-ценностной регуляции: религии, морали, праву. В данной статье речь пойдет о правовых нормах, которые, однако, и по происхождению, и по генетической принадлежности сохраняют тесную связь с моралью. Механизмы правовой защиты в данном случае направлены на защиту таких нравственных ценностей, как милосердие, солидарность, благотворительность. С одной стороны, это затрудняет развитие юридических инструментов их защиты, а с другой – обеспечивает взаимодополнительное действие права и морали в правах человека.

Ключевые слова: права человека, мораль, социальные права, право на достойное человеческое существование.

На протяжении всей истории человечество руководствовалось социальными нормами, которые обязывали в определенных случаях оказывать помощь нуждающимся. Сначала такие нормы возникали как религиозные и моральные предписания о необходимости личной благотворительности. Юридические нормативы соответствующего содержания, в которых обязанной стороной выступают уже не конкретные субъекты, а государство в лице его органов и организаций, стали формироваться много позже. Сам процесс их развития происходил постепенно, начиная с Нового времени, и был обусловлен не столько необходимостью защитить высокие нравственные цели, сколько давлением политических и экономических обстоятельств, вынуждающих государство брать на себя ответственность за благополучную жизнь своих граждан. И получатель социальной поддержки далеко не сразу становился субъектом, наделенным правом требования по отношению к государству. Такие нормативы, даже будучи внесенными в законы и другие нормативные акты, не лишались своего морального содержания и лишь постепенно обрастали необходимыми юридическими механизмами защиты. Одно из первых законодательных положений о помощи обездоленным содержат уже древние Законы Ману. В этом памятнике юридической мысли есть указание, что “защита должна быть предоставлена и женщинам, если они бесплодны, остались без семьи, верны мужьям, овдовели, больны” [Ману-Смирити 1999, с. 401]. Подобная норма не могла еще быть не чем иным, как религиозно-моральным наставлением, но сам факт ее закрепления в древних правовых источниках примечателен.

Колотова Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН. Адрес: 119991, Москва, Знаменка ул., д. 10. E-mail: kolotova.n@gmail.com.

Реальный процесс становления социальных прав начался много позже, хотя условия, определившие их появление и развитие, сложились задолго до того времени, когда они получили свое признание в международном и национальном праве. Формирование социальных прав как юридических возможностей предъявить индивидуальное требование к государству произошло примерно в середине–конце XIX в. Появление социальных (или социально-экономических) прав стало логическим завершением стройной системы индивидуальных прав человека. Как заметил английский социолог Т. Маршалл, “не особо греша против исторической точности, становление современных форм каждого из элементов *гражданства* можно отнести к разным столетиям: гражданских прав – к XVIII в., политических – к XIX в., а социальных – к XX в. Конечно, к такой периодизации нужно подходить с определенной гибкостью, поскольку иногда эти процессы становления накладывались друг на друга (особенно в двух последних случаях)” [Маршалл 2011, с. 157]. Поэтому эти права считаются правами человека “второго поколения”. Их законодательной регуляции предшествовало предварительное развитие идей и соответствующих теоретических конструкций, получивших отражение в трудах выдающихся мыслителей своего времени.

Причины утверждения социальных прав человека лежат не только в области юриспруденции. Их истоки следует искать в сферах политики, экономики, нравственности. К закреплению этих прав в правовых документах на международном и национальном уровнях привели сложные общественные изменения, ставшие результатом развития взаимоотношений человека и государства, труда и капитала, сформировавшиеся к первой половине XX в. Тема настоящей статьи – рассмотрение нравственных предпосылок, лежащих в основе появления и дальнейшего развития социальных прав, влияющих на их содержание и объем требований, а также обоснование влияния морали на эту сферу правовой регуляции.

Нравственные основы имеет все право целиком, но особенно это заметно в конструкции прав человека. Как пишет Е. Лукашева, “на право и политические воззрения огромное влияние оказывала не только религия, но и мораль, в которой были развиты религиозные заповеди, органично включенные в социальную регуляцию и составляющие своеобразие и стиль цивилизации” [Лукашева 2009, с. 127].

Известно, что первоначальное формирование системы прав человека проходило под мощным воздействием этико-философских учений, в которых были определены значимые политические и правовые принципы всеобщего равенства, отсутствия произвольных привилегий, ответственности правящих элит. Нравственный кризис общества в Новое время в определенной мере спровоцировал политико-правовые искания, итогом которых можно считать появление каталога неотчуждаемых прав, принадлежащих каждому индивиду по факту рождения. Многими просветителями XVIII в. защита прав человека рассматривалась как единственная нравственная обязанность государства, его прямое предназначение с точки зрения справедливости. Такие взгляды Э. Соловьев называет “этическим беззачетным правосознанием” [Соловьев 2006, с. 147], подчеркивая тем самым, что ориентация на обеспечение прав человека одновременно утверждает эти права как высокие нравственные принципы общественной жизни. В это время гуманистические надежды на то, что право может консолидировать и отразить объединяющие общество абсолютные моральные ценности, получили свое отражение в первых конституционных хартиях, провозглашавших право каждого гражданина на “жизнь, свободу и стремление к счастью”.

Таким образом, политико-правовое содержание прав человека во многом выросло из этических требований к государственной власти об ее ограничении и самоограничении, а требование отношения к человеку как к самостоятельному, “совершенно-летнему” субъекту вылилось в требование признания за ним неотчуждаемых прав. В этом смысле нельзя не согласиться с Г. Еллинеком, убедительно показавшим, что происхождение прав человека имеет религиозно-нравственные истоки и вырастает из реформационной борьбы за свободу исповедовать свои религиозные убеждения. Поэтому исторически первой в ряду прав человека была свобода совести с вытекающими из

нее свободами слова, печати, собраний [Еллинек 1906]. На этой основе впоследствии формулируются субъективные публичные права – как публично-правовые притязания, основанные на определенном положении лица по отношению к государству [Еллинек 2004, с. 405], которые связь с моралью сохраняют только на оценочном уровне.

В настоящее время воздействие морали на концепцию прав человека сохраняется, в основном, в опосредованном виде, через культурно-ценностный контекст общественного развития. Например, сейчас много говорят о том, что глобальный правопорядок порождает не только стандартизацию и унификацию, но и явления другого порядка: требование учета цивилизационных ценностей, интерес к локальным отличиям и этническим особенностям, сепаратизм [Поляков 2013]. Не случайно в последнее время многие религиозные конфессии разрабатывают свои собственные концепции прав человека, в которых подчеркивается, что эти стандарты не могут восприниматься вне связи с культурными и религиозными традициями [Сюкияйнен 2012]. Моральная проблематика тоже относится к числу критериев, объясняющих степень “приживаемости” общепризнанных международных норм в различных регионах мира. Французский ученый Ж. Маритен даже писал о бесплодности попыток составить полный перечень прав личности, пригодный на все времена. Он считал, что “декларация прав человека никогда не будет исчерпывающей и окончательной. Она всегда будет зависеть от уровня морального сознания и уровня цивилизации” [Маритен 1992, с. 32]. Но Маритен имел в виду такое непрерывное воздействие нравственных максим на право, которое приводит к постепенному расширению концепции прав человека, а не к ее сужению до норм, приемлемых традицией. Тем не менее не будем забывать, что мораль – универсальная оценочная категория, предоставляющая “возможность не только правовой, но и нравственной оценки политики и государственной власти, ориентирующей их на осуществление общего блага” [Права... 2009, с. 258].

Таким образом, мораль оказала заметное воздействие на становление и развитие прав человека. Однако особенно сильно этическое содержание категорий справедливости, взаимопомощи, милосердия повлияло на эволюцию социальных прав. Представляется, что как раз социально-экономические права наиболее очевидным образом демонстрируют свою связь с нравственностью. П. Новгородцев полагал даже, что в социальном праве человека на достойное существование совершается трансформация моральных обязанностей в правовые нормы, “обычный переход нравственного сознания в правовое” [Новгородцев 1911, с. 3]. По мысли ученого, индивидуальный характер благотворительности постепенно меняется и преобразовывается в соответствующие государственные нормы поддержки нуждающихся, нравственная добродетель превращается в юридический долг. Этот процесс необходим “во имя охраны свободы”, поскольку для ее осуществления уже недостаточно установить формальные рамки и предоставить юридически равные возможности.

И хотя соавтор Новгородцева по разработке теоретического понятия “право на достойное существование” И. Покровский рассуждал немного иначе, но мнение, что развитие социальных притязаний личности проходило путем “модификации моральных максим о благотворительности и экономической помощи малоимущим в отношения, в которых обязанной стороной выступает государство и которым придается характер общеобязательных норм общественного бытия” (цит. по [Путило 2007, с. 29]), довольно распространено в юридической литературе. Покровский же выводил право “требовать от общества поддержки в критическую минуту” из того, что условия хозяйственной жизни являются “продуктом солидарной работы всех”. Такая “круговая порука всех друг за друга” порождает правовые обязательства общества перед каждым членом. Нравственный посыл здесь есть, так как “начало благотворительности сказывается в том, что расход, необходимый на общественное призвание, по существу, определяется не размером действительной нужды, а состоянием финансов” [Покровский 1911, с. 4, 26], но главную роль играет именно факт совместного участия всех в создании совокупного продукта.

Из современных авторов, пишущих на эти темы, версию происхождения социальных прав из моральных максим поддерживает Н. Путило. По ее мнению, государственная власть берет на себя определенные позитивные обязанности по созданию материальных гарантий существования всех граждан, которые раньше носили характер нравственных императивов, далее социальные притязания человека к государству приобретают характер законных требований, обусловленных наличием соответствующего права, что предполагает соответствующее законодательное воплощение. Описывая историю закрепления социальных прав, автор подчеркивает, что частная благотворительность, осуществляемая в форме подачи милостыни, постепенно трансформируется в налог для бедных, тем самым демонстрируя способность “превращения религиозно-нравственных норм в нормы права” [Путило 2007, с. 28].

На мой взгляд, все-таки точнее говорить не о “трансформации” или “превращении” норм одной ценностно-нормативной системы в нормы другой, а об их совместном действии как взаимодействующих векторов, продолжающемся и после их позитивного закрепления в правовых нормах. Более того, как считает В. Чиркин, юридическое закрепление социальных прав не меняет их сути как нравственно-религиозного долга, поскольку они, “оставаясь нравственно-политическим императивом, приобретают юридическую форму и становятся важнейшим институтом конституционного права” [Сравнительное... 1996, с. 242]. Л. Мамут замечает более резко, что “нуждаемость определенных категорий людей в поддержке со стороны сограждан очевидна. Однако отмеченная нуждаемость этих категорий людей не трансформирует лежащий на согражданах моральный долг в соответствующую обязанность, в правовое должностное” [Мамут 2008, с. 22]. Нравственные и религиозные нормы милосердия и благотворительности продолжают работать, дополняемые юридическими правилами, значимыми с точки зрения определенности процедуры получения помощи, равного доступа к ней лиц, находящихся в одинаковых условиях, и т.д. Нравственные предписания, безусловно, сильно влияли на содержание таких норм, но процесс их “юридизации” проходил постепенно и под воздействием всего комплекса факторов – моральных, политических, экономических, правовых.

По поводу возможности “перевода” благотворительности как моральной обязанности в правовую среду для соблюдения и защиты социально-экономических прав интересную идею высказал Г. Мальцев в книге “Нравственные основания права”. По его мнению, это не просто трансформация из системы в систему: все гораздо сложнее из-за трудностей, вытекающих из специфики соответствующих нормативно-регулятивных систем: “...право может не регулировать или не участвовать в регулировании некоторых видов моральных отношений, но оно берет их под свою защиту, как бы покровительствует им с высот своего официального положения”. Этот эффект ученый связывает с различием регулятивной и охранительной функции права: “правовой охране подлежит многое из того, что оно, право, само не регулирует, во что активно не вмешивается, поскольку там действуют иные нормативные системы” [Мальцев 2009, с. 217]. Так право, не участвуя в регулировании моральных отношений по оказанию социальной помощи малоимущим, тем не менее охраняет и обеспечивает эти нормы, возводя их в ранг государственной обязанности.

С позиции естественно-правовой доктрины, в недрах которой зародилась концепция прав и свобод человека, наличие в праве нравственного содержания (в том числе в социальных правах) отвечает самой природе права и является само собой разумеющимся. Одна из основополагающих идей школы естественного права – совместимость, синтез права и морали в правах человека. Г. Гроций в своем произведении “О праве войны и мира” охарактеризовал “право, касающееся лиц”, как “нравственное качество, присущее личности, в силу которого можно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе” [Гроций 1994, с. 69–70]. Гроция сегодня уместно вспомнить, потому что его аксиома о свободной и социальной природе разумных людей стала “клеточкой”, из которой появилась ранее неизвестная концепция прирожденных личных прав и свобод. Она подготовила почву для трактовки государства как продукта

добровольного соглашения от природы правоспособных индивидов. Последующие естественно-правовые теории сознательно строились как этико-юридические конструкции, “переводящие” моральный язык в логику юридических формул. Термин “право” Гроцием применялся “в значении правила нравственных поступков, обязывающих к выполнению какого-либо действия” [Гроций 1994, с. 69–70], чем подчеркивалось, что назначения права и нравственности фактически совпадают, и в этом соседстве и совместной деятельности заключена сущность природы свободного и справедливого человеческого общежития.

Однако сторонники иных подходов к праву не всегда положительно относятся к тому, что “моральное содержание” социально-экономических прав объявляется достоинством правовых конструкций. С этой точки зрения смешение права и морали в социальных правах традиционно критикуется. Такую позицию занимал русский правовед и известный либеральный мыслитель Б. Чичерин. В его работе “Собственность и государство” отмечается, что право своими средствами не может решить задачу недостатка средств для тех, кто в этом нуждается. Это делается на других, неправовых основаниях, при помощи частной благотворительности. Государство должно придти на помощь только в случае недостатка средств у частных лиц. Чичерин, однако, делает важное замечание, что и в случае частной благотворительности, и в случае государственной помощи речь идет не о нарушении, а о восполнении права [Чичерин 2005, с. 262]. Таким образом, он не отрицает необходимость государственных социальных функций, призванных восполнять право, а просто выводит эту деятельность за формальные рамки правового поля, относя ее к моральной и религиозной формам.

С этим согласны и сторонники современного направления либеральной мысли. Они проводят последовательное разделение права и морали, подчеркивая, что преимущественно моральное содержание этих прав делает невозможной или искусственной их юридикацию, а закрепление в законодательстве – произвольно зависящим от воли государства. Так, В. Четвернин пишет, что уравнительно-распределительная идеология, провозглашающая право каждого человека достойным иметь некий минимум социальных благ, когда неимущие получают за счет имущих потребительские привилегии, возникла в контексте правовой культуры, и поэтому “ее риторика маскируется под правовую” [Четвернин 2009, с. 176]. В данном случае социальная деятельность государства рассматривается как помощь государства “социально слабым”, вообще не основанная на праве.

В юридической литературе встречается термин “моральные права”, но его содержание трудно определить однозначно. В частности, профессор Сиднейского университета А. Сун-Тай предлагала делить все права человека на “моральные” и “позитивные”. “Позитивными” правами она назвала те, которые могут быть проверены эмпирическим путем, а “моральные” права – те, к которым могут быть отнесены и социальные, прежде всего выражают долженствование. Автор этого предложения признает, что пока не найдено достаточных критериев для такой типологии прав, но вместе с тем отмечает, что подобное разделение может быть перспективно [Сравнительное... 1996, с. 261]. Следует согласиться с аргентинским правоведом Е. Булыгиным, который утверждает, что для сторонников естественного права права человека прежде всего основываются на нормах морали, то есть это – моральные права [Поляков 2013, с. 22]. Так что с точки зрения приверженности естественному праву все права человека так или иначе права моральные.

Как раз с этих позиций немецкий ученый Р. Алекси использует термин “моральная правильность” для характеристики прав человека, так как “притязание права на правильность всегда относится не только к социальным фактам, но и к морали” [Алекси 2009, с. 23]. Это понятие призвано прояснить конструкцию идеального (или критического) права, выступающего, наряду с реальным (или фактическим), одним из проявлений дуальности права – центрального для философии права Алекси понятия [Алекси 2005]. Моральная правильность выражает необходимость согласования этих двух измерений права. Аргументируя свою концепцию, Алекси показывает, как

дуальная природа проявляется во всех фундаментальных вопросах права, но прежде всего в правах человека, относящихся к идеальному измерению права. Он пишет, что поскольку “права человека, это, во-первых, моральные, во-вторых, универсальные, в-третьих, фундаментальные, в-четвертых, абстрактные права, в-пятых, имеют приоритет над всеми другими нормами”, поэтому их преобразование в систему юридически обеспеченных конституционных прав “представляет собой попытку соединить идеальное измерение с реальным”. “Конституционные права, – продолжает ученый, – это права, которые были зафиксированы в конституции с намерением преобразовать права человека в конституционное право; другими словами – это намерение позитивации прав человека” [Алекси 2009, с. 31]. Алекси говорит про всю систему прав человека целиком, но, на мой взгляд, наилучшим образом его гипотезу о дуальности права иллюстрируют социально-экономические права, так как именно они наиболее приближены к идеалу “моральной правильности”.

Таким образом, ответ на вопрос, является ли моральное изменение социальных прав их преимуществом, в первую очередь зависит от позиции, с которой исследователи отвечают на него. Если принять, что критерии нравственности невозможно определить при помощи законодательной техники (как было показано, в частности, в работах Чичерина), то попытка это сделать в сфере социальных прав может привести к установлению нравственности принудительными мерами, а “принудительная нравственность есть безнравственность” [Чичерин 1990, с. 102]. Именно за это Чичерин критиковал концепцию В. Соловьева “право минимум морали”.

Но в отечественной юридической литературе более распространена точка зрения, продолжающая традиции российской школы естественного права (Е. Трубецкого, П. Новгородцева, А. Яценко и др.), согласно которой моральное содержание социально-экономических прав является их несомненным плюсом. Как пишет Е. Лукашева, “в современных условиях вопрос о социальной роли государства – это не только вопрос политический, юридический, но и нравственный. Сводить все проблемы взаимоотношений государства и гражданина к формальным юридическим аспектам невозможно” [Лукашева 1994, с. 13]. О. Снежко же в своей монографии отмечает моральный характер этих прав как их объективную особенность, так как они представляют собой, среди прочего, возможности “выполнять предписания нравственного долга, претворять в жизнь моральные установки-принципы: альтруизм, милосердие, благотворительность” [Снежко 2013, с. 96].

О моральном содержании социальных прав говорят общие цели государственной социальной деятельности и практики филантропических организаций, занимающихся оказанием благотворительной помощи [Апресян 1998]. В нормах социальной защиты, устанавливаемых государством, происходит, по выражению Мальцева, “проникновение принципов благотворительной морали в действующие правовые системы, где они, конечно, получили своеобразное преломление и в общем ограниченное действие” [Мальцев 1994, с. 18]. Многие из социальных прав безэквивалентны, осуществляются не на страховой основе, а исключительно из общественных фондов. Таковы социальная поддержка инвалидам, сиротам, многодетным семьям, людям в чрезвычайных ситуациях. Любая социальная помощь, производимая систематически или в исключительных обстоятельствах, должна быть предметом государственной деятельности и обеспечиваться в том числе юридическими средствами. Но социальные пособия не в состоянии охватить все индивидуальные потребности нуждающихся лиц, и для некоторых из них становится жизненно необходимым получение волонтерской и другой добровольческой помощи. Поэтому право поощряет развитие всех видов благотворительности, вне зависимости от мотивов ее осуществления, но тем самым поддерживая и дополняя моральную обязанность людей помогать друг другу в трудных ситуациях.

В старой теоретической дискуссии о возможности закрепления моральных ценностей в юридических документах (“право минимум морали”, “моральное право”) давно обозначены практически все аргументы “за” и “против”. Но проблема до сих пор далека от разрешения. Продолжают высказываться как мнения относительно несовмести-

мости таких морально обусловленных прав с юридическим характером конституций, так и противоположные позиции, согласно которым социально-экономические права не снижают юридические качества конституционных положений, а наоборот, повышают их значимость и авторитетность. Официальная позиция Европейского комитета по социальным правам (ранее – Комитета независимых экспертов Европейской социальной хартии) заключается в призыве отказаться от старых представлений о социальной помощи, ассоциирующейся с благотворительностью, отмечая, что теперь это область прав [Права... 1996, с. 47].

Что касается социально-экономических прав, то они, становясь конституционным элементом правового статуса личности, больше других сохраняют зримую генетическую связь с нравственностью, поэтому часто обосновываются, кроме прочего, принципами солидарности и социальной справедливости. Можно сделать вывод, что в социально-экономических правах позитивируются не только правовые, но и общеморальные ценности: солидарности, социальной справедливости, милосердия. Поэтому морально-правовое содержание социальных прав – не проявление синкретизма и недостаточной дифференцированности его составляющих, а сущностный и устойчивый признак содержания прав человека второго поколения.

Таким образом, социально-экономические права человека в конструкции прав человека – своеобразное связующее звено между правом и моралью. Важнейшие ценности общества, позитивируясь в юридических системах, получают как бы “двойное закрепление”, в идеале – взаимно дополняют друг друга. Наглядный пример такой взаимодополнительности права и морали описывает Соловьев на примере закрепляемой в нормах права свободы труда. Он обращает внимание, что, устанавливая свободу труда, такая норма запрещает преследование способов жизни, не связанных с получением трудовых доходов (тунеядства, сибаритства и т.д.). Могло бы показаться, что такие правовые установки оправдывают безделье и лень, если бы рядом с правовой системой, запрещающей применение административных наказаний к неработающим без оснований людям, не стояла бы строгая мораль, непримиримо относящаяся к бездельникам. Однако социальные сообщества, в которых продуцируются моральные нормы (большая семья, религиозная община, дружеский круг, школьный коллектив и т.д.), в подавляющем большинстве отказывают тунеядству в уважении и даже подвергают его остракизму. В данном случае и мораль, и право формируют единое ценностное поле, в котором почетен свободный труд, осуществляемый без принуждения и унижения человеческого достоинства (автор называет это совокупное действие права и морали “контрарной корреляцией” или взаимодополнительностью) [Соловьев 1991, с. 147].

Еще один пример взаимодействия права и морали в социально-экономических правах дает понятие “право на достойное человеческое существование”, которое базируется на нравственно-философской категории “человеческое достоинство”. Конституционный суд РФ еще в 1999 г. отказался признать допустимым запрос Государственной думы РФ о толковании понятий “достойная жизнь” и “свободное развитие человека”, содержащихся в ст. 7 Конституции РФ. В запросе указывалось, что такое толкование необходимо для законодательной деятельности, в том числе для закрепления критериев (стандартов), по которым можно было бы оценивать соответствие реальных условий жизни действующим конституционным принципам. Причиной отказа Конституционного суда в рассмотрении этого дела стало то обстоятельство, что, отвечая на поставленные вопросы, суду пришлось бы сформулировать новые правовые нормы, что недопустимо (http://pravosudie.biz/base1/data_xe/sudswsaxq.htm). И хотя отказ в рассмотрении запроса был сделан по формальным основаниям, по существу было бы также чрезвычайно трудно определить четкие параметры этих категорий в качестве правовых именно из-за их широкого социально-нравственного содержания.

Понятие “достоинство” соотносится с индивидуальным проявлением человеческого духа, однако же – “присущего всем”, как сказано уже в первой строке преамбулы Всеобщей декларации прав человека. Именно эта “присущность всем” равно достой-

ным индивидам и делает моральное чувство человеческого достоинства одним из значимых признаков правового равенства. Таким образом, личное ощущение морального достоинства как самоуважения может быть разным, но достоинство, значимость человека перед законом одинаковы. И в тексте нормативного документа этот термин закрепляется как правовая ценность, основанная на моральных максимах, которую можно защищать как личное субъективное право в части обязательного равенства возможностей каждого человека в самореализации и свободном развитии. Из него логически развивается следующее звено юридического обеспечения человеческого достоинства (из числа прав человека второго поколения) – правовая обязанность общества обеспечить достойную жизнь человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алекси Р. (2009) Дуальная природа права // Российский ежегодник теории права. № 2. С. 19–33.
- Алекси Р. (2005) Понятие и действительность права. М.–Берлин: Инфотропик Медиа.
- Апресян Р.Г. (1998) Филантропия: милостыня или социальная инженерия // Общественные науки и современность. № 5. С. 51–60.
- Гроций Г. (1994) О праве войны и мира. Три книги. М.: Ладомир.
- Еллинек Г. (1906) Декларация прав человека и гражданина. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина.
- Еллинек Г. (2004) Общее учение о государстве. СПб.: Юридический Центр Пресс.
- Лукашева Е.А. (1994) Социальное государство и защита прав граждан в условиях рыночных отношений // Социальное государство и защита прав человека. М.: Институт государства и права РАН. С. 3–27.
- Лукашева Е.А. (2009) Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма.
- Мальцев Г.В. (2009) Нравственные основания права. М.: СГУ.
- Мамут Л.С. (2008) Легальное и правовое в социальной деятельности государства // Конституционное правосудие и социальное государство: сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики. С. 14–27.
- Ману-Смирити (1999) // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль. С. 399–408.
- Маритен Ж. (1992) Философия прав человека // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. М.: Наука. С. 27–39.
- Маршалл Т.Х. (2011) Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ВШЭ. С. 45–224.
- Новгородцев П.И. (1911) Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. СПб.: Вольф. С. 3–13.
- Покровский И.А. (1911) Право на существование // Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. СПб.: Вольф. С. 17–48.
- Поляков А.В. (2013) Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Правоведение. № 4. С. 18–30.
- Права человека на каждый день. Значение деятельности Совета Европы в сфере защиты прав граждан (1996) Страсбург: Совет Европы.
- Права человека: учебник для вузов (2009) / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма.
- Путило Н.В. (2007) Социальные права граждан: история и современность. М.: Юриспруденция.
- Снежко О.А. (2013) Защита социальных прав граждан: теория и практика. М.: Инфра-М.
- Соловьев Э.Ю. (2006) Понятие новоевропейской цивилизации (философско-антропологическое измерение) // Университетский научно-методологический семинар “Актуальные проблемы современности сквозь призму философии” (http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/seminar/Soloviev_2007_debate.pdf).
- Соловьев Э.Ю. (1991) Прошлое толкует нас. М.: Политиздат.
- Сравнительное конституционное право (1996) / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Манускрипт.
- Сюкияйнен Л.Р. (2012) Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 7–28.

Четвернин В.А. (2009) Либертарно-юридическая интерпретация прав человека: материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / Отв. ред. В.Г. Графский // *Философия права в России: история и современность*. М.: Норма. С. 167–180.

Чичерин Б.Н. (1990) О началах этики // *Философские науки*. № 1. С. 91–110.

Чичерин Б.Н. (2005) *Собственность и государство*. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии.

Moral prerequisites of social rights

N. KOLOTOVA*

*Kolotova Nataliya – PhD (Law), leading researcher, Human Right Department at the Institute of State and Law of the RAS. Address: 10, Znamenka st., Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: kolotova.n@gmail.com.

Abstract

Social standards, which matter prescribes helping indigents, pertain to different systems of normative-value regulation: religion, moral and law. Legal norms, that, however, maintain connection with moral by origin and genetic affiliation, will be the question of this article. In this case, legal protection mechanisms are aimed at protection of such moral values as mercy, solidarity and charity. On the one hand, it impedes development of their protection by legal instruments, and on the other hand, it ensures mutually complementary effect of law and moral in human rights.

Keywords: human rights, moral, social rights, the right to a decent human existence.

REFERENCES

Aleksi R. (2009) Dualnaya priroda prava [The Dual Nature of Law]. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*, no. 2, pp. 19–33.

Aleksi R. (2005) *Ponyatie i deystvitelnost' prava* [Concept and Validity of Law] Moscow–Berlin: Infotropik Media.

Apresjan R.G. (1998) Filantropiya: milostynja ili social'naja inzheneriya [Philanthropy: charity or social engineering]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 51–60.

Четвернин В.А. (2009) Либертарно-юридическая интерпретация прав человека [Libertarian-juridical interpretation of human rights]. *Материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / Отв. ред. В.Г. Графский* [Materials from third philosophical and legal reading in memory of academician V.S. Nersesians. Resp. ed. by V.G. Grabskaya]. *Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow: Norma, pp. 167–180.

Чичерин Б.Н. (1990) О началах этики [About the Beginnings of Ethics]. *Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 91–110.

Чичерин Б.Н. (2005) *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and State] St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkoj hristianskoj humanitarnoj akademii.

Ellinek G. (1906) *Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina* [The Declaration of the Rights of Man and the Citizen]. Moscow: Tipografiya tovarishhestva I.D. Sytina.

Ellinek G. (2004) *Obtchee uchenie o gosudarstve* [The General Theory of the State]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Juridicheskij Centr Press".

Grocij G. (1994) *O prave voynih i mira. Tri knigi* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir.

Lukasheva E.A. (2009) *Chelovek, pravo, civilizacii: normativno-cennostnoe izmerenie* [Man, law, civilizations: normative value dimension]. Moscow: Norma.

Lukasheva E.A. (1994) Social'noe gosudarstvo i zashita prav grazhdan v usloviyakh rihnochnikh otnosheniy [The Social State and Protection of Citizens' Rights in Conditions of Market Relations].

Social'noe gosudarstvo i zashchita prav cheloveka [The welfare state and the protection of human rights]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, pp. 3–27.

Malcev G.V. (2009) *Nravstvenniye osnovaniya prava* [Moral Bases of the Law]. Moscow: SGU.

Mamut L.S. (2008) Legal'noe i pravovoe v social'noy deyatelnosti gosudarstva [Legal and Lawful in Social Activity of State]. *Konstitucionnoe pravosudie i social'noe gosudarstvo: sbornik dokladov* [Constitutional Justice and the Welfare State: a Collection of Papers]. Moscow: Institut prava i publichnoy politiki, pp. 14–27.

Manu-Smiriti (1999) *Antologiya mirovoy pravovoy mysli. V. 5 t. T. 1. Antichniy mir i Vostochniye civilizatsii* [Manu-Smiriti. Anthology of World Legal thought. In 5 v. V. 1. Ancient World and Eastern Civilizations]. Moscow: Mysl', pp. 399–408.

Mariten Zh. (1992) *Filosofiya prav cheloveka* [Philosophy of human rights]. *Evropeyskiy al'manakh. Istoriya. Traditsiya. Kul'tura*. Moscow.

Marshall T.Kh. (2011) Grazhdanstvo i social'niy klass [Citizenship and the Social Class]. *Kapustin B.G. Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Kapustin B.G. Citizenship and Civil Society]. Moscow: HSE, pp. 145–224.

Novgorodtsev P.I. (1911) Pravo na dostoynoye chelovecheskoye sushchestvovanie [The right to a decent human existence]. *Novgorodtsev P.I., Pokrovskiy I.A. O prave na sushchestvovanie*. St. Petersburg: Volf, pp. 3–13.

Polyakov A.V. (2013). Verkhovstvo prava, globalizatsiya i problemih modernizatsii filosofii i teorii prava [Rule of law, globalization and problems of modernization of philosophy and law theory]. *Pravovedenie*, no. 4, pp. 18–30.

Pokrovskiy I.A. (1911) Pravo na sushchestvovanie [The Right to a Existence]. *Novgorodtsev P.I., Pokrovskiy I.A. O prave na sushchestvovanie*. St. Petersburg: Volf, pp. 17–48.

Prava cheloveka na kazhdii den'. Znachenie deyatelnosti soveta Evropi v sfere zashchity prav grazhdan (1996) [Human rights for every day. Value of activity of the Council of Europe in the sphere of protection of the rights of citizens]. Strasburg.

Prava cheloveka: uchebnyy dlya vuzov (2009) / Otv. red. E.A. Lukasheva [Human rights: the textbook for higher education. Edited by Lukasheva E.A.] Moscow: Norma.

Putilo N.V. (2007) *Social'niye prava grazhdan: istoriya i sovremennost'* [Social rights of citizens: history and present]. Moscow: Jurisprudenciya.

Snezhko O.A. (2013) *Zashchita social'nykh prav grazhdan: teoriya i praktika* [Protection of the social rights of citizens: theory and practice]. Moscow: Inbra-M.

Solov'ev E.Yu. (1991) *Proshloe tolkuet nas* [Past interprets us]. Moscow: Politizdat.

Solov'ev E.Yu. (2006) Ponyatie novoevropeyskoy civilizatsii (filosofsko-antropologicheskoy izmereniye) [Concept of New European Civilization (Philosophical and Anthropological Measurement)]. *Universitetskiy nauchno-metodologicheskii seminar "Aktual'niye problemih sovremennosti skvoz' prizmu filosofii"* [University Scientific-methodological seminar "Actual Problems of Modernity through the Prism of Philosophy"]. St. Petersburg: SPGU.

Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo (1996) [Comparative Constitutional Law] / Otv. red. V.E. Chirkin. Moscow: Manuscript.

Syukiyaynen L.R. (2012) Sovremenniye religioznye konceptii prav cheloveka: sopostavleniye teologicheskogo i yuridicheskogo podkhodov [Modern religious concepts of human rights: comparison of theological and legal approaches]. *Pravo. Zhurnal Vysheyey shkoly ekonomiki*, no. 3, pp. 7–28.